

Только подлинность

Монолог актера Льва Дурова
о современном герое

Трудно представить Льва Дурова в спокойном состоянии. Во время разговора он безостановочно мерит шагами комнату, заряд энергии взрывается в нем неожиданным жестом или словом, бросает его от негодования к восторгу, от грусти к сарказму... Темперамент, активность свойственны и большинству актерских работ Дурова. Вполне естественно возникает разговор об активности героя приключенческих лент, об активности действия.

— Думаю, внешняя инертность, вялость, однообразие имеют внутреннюю причину, — говорит Лев Константинович. — Я вижу ее не только в посредственных сценариях или режиссуре, но и в нежелании, а скорее неспособности артистов затратить максимум душевной энергии. Человек на экране должен быть интересен любым своим сиюминутным проявлением. Мне, например, неинтересно смотреть, скажем, на Элизабет Тэйлор при всем ее внешнем лоске, но вот «антигероиня» Лайза Миннелли всегда волнует: каждой своей ролью она вывернет наизнанку... Или герои Джигарханяна — этого плотно стоящего на ногах человека, — они привлекают ощущением их жизненной прочности. Или Жан Габен — он в каждой роли остается самим собой, таким бизоном, и этим интересен...

Есть артисты, которые на сцене и на съемочной площадке себя берегут, прикрываясь профессиональным умением, иначе говоря, ремеслом. Волнуют же всегда лишь подлинные страсти...

Герой на экране должен быть достоверным, живым, реальным, взятым из жизни человеком. Мне очень близок прекрасно сыгранный Евгением Леоновым герой фильма «Старший сын». Внешне он совершенно «негероичен». Непрофессиональный музыкант, в сущности неудачник, он необыкновенно талантливый «музыкант жизни». В нем присутствуют, и даже в избытке, те душевные качества, которых нам порой так остро недостает: доброта, неравнодушие, преданность. И отсутствие эгоизма, потребительства, зависти. Однажды я сыграл характер, во многом похожий на этого героя, в фильме «Странные взрослые». Это тоже простой, обычный, неприметный человек — и душевно чуткий, искренний, совестливый.

Всегда существует потребность в идеальном герое, которому можно было бы подражать. Но у современного зрителя сильна потребность в герое достоверном. А «положительным» он будет или «отрицательным» — пусть в этом разберутся сами зрители.

Можно сочувствовать, сострадать положительному герою и при этом вовсе не мечтать стать таким же, как он. Вспомните Элизавету Уварову из картины Глеба Панфилова «Прошу слова...». Лет тридцать назад во многих фильмах положительное и отрицательное, добро и зло, нравственное и безнравственное существовали как бы на разных полюсах. И зрительская реакция была однозначной: либо за — либо против, третьего, не дано. Со временем положительный герой перестает быть героем-назиданием и как будто даже лишается абсолютной, стопроцентной «положительности». Подражать такому герою становится трудно. Нас восхищает страстное стремление к справедливости в Юрии Деточкине, блистательно сыгранном Иннокентием Смоктуновским в фильме «Берегись автомобиля», но подражать ему... Сомневаюсь, что будут подражать.

Надо понять: герой экрана утратил свою былую однозначность, в его характере появилось множество граней, он вообще перестал уместиться в рамках привычного зрительского восприятия. Это общая тенденция нашего кино. И черта времени, самой жизни, нравственные уроки которой стали сложнее, неодно-

значнее. Они предостерегают нас от прямолинейности и догматизма, требуют гибкости, внутренней подвижности, умения взглянуть на себя со стороны. Не случайно в последние годы на нашем экране появились герои, которых вообще трудно зачислить в разряд положительных или отрицательных. Но в то же время они очень узнаваемые, напоминающие нас самих, наших близких знакомых. Таков Андрей Бузыкин в исполнении Олега Басилашвили в фильме Георгия Данелии «Осенний марафон»... Или герой картины Балаяна «Полеты во сне и наяву». Персонаж как будто «отрицательный» (если пользоваться традиционной терминологией), но вызывающий сострадание, сочувствие, множество близких нам ассоциаций. Герой этот во многом восходит к Виктору Зиллову из замечательной пьесы Александра Вампилова «Утиная охота»... Важно только, чтобы зритель — негодуя, сочувствуя, презирая — задумался и о причинах того, почему жизнь героя, что называется, прошла мимо...

Может ли человек быть хорошим для всех? Это просто невозможно. Изначально в каждом человеке существуют и ангел, и дьявол, и светлое, и темное, и добро, и зло. Это интуитивно чувствовал и с поразительной жизненной правдой выразил Василий Макарович Шукшин. С ним в литературу и кинематограф ворвался нетронутый прежде жизненный пласт — вспыхнула жизнь надорванная и цельная, характеры подлинные, истинно народные, несхожие, причудливые, уходящие корнями в глубинную суть народной жизни. Мне довелось прикоснуться к творчеству Шукшина на съемочной площадке, когда я играл чудаковатого искателя истины Князева, героя рассказа «Штрихи к портрету», и официанта в «Калине красной»...

В моей собственной жизни не раз возникали ситуации, поразительно точно описанные Шукшиным. Однажды я лежал в больнице, жена и дочь пришли меня навестить, и какая-то непробиваемая в своем хамстве вахтерша вытолкала их за дверь. И происходило это точь-в-точь, как у Шукшина в «Опыте документального рассказа», названного им «Кляуза». Если говорить о достоверности человека на экране и вообще в искусстве, то творчество Шукшина в этом смысле неисчерпаемо.

Всех режиссеров, с кем мне доводилось работать, я бы разделил на три категории. К первой принадлежат те, которые говорят актеру: «Наш фильм — это путешествие в неизведанное. Это поиск, исследование, открытие, познание»... Им веришь. На первых порах, пока не обнаруживаешь, что сами они толком не знают, чего хотят. Ко второй категории я отнес бы тех, чьи фильмы действительно являются поиском, открытием неизведанного — в искусстве, в человеческой психологии, в жизни. Мне посчастливилось работать с такими режиссерами — это Лариса Шепитько, Элем Климов... Есть и третья категория — режиссеры, зовущие попросту «сняться в киношке».

Процесс общения режиссера и актера всегда сложен. Бывает, что актер не в состоянии понять и воплотить замысел режиссера. Случается и наоборот, когда возможности актера глубже и многограннее, чем задача, поставленная режиссером. В этом случае актеру необходимо сломать заданную схему — деликатно, тактично, проявив максимум внутренней активности, пластичности, — даже если иной раз приходится идти на конфликт.

В искусстве нельзя жить по-добострастно. Гений и злодейство — две вещи несовместимые. Под злодейством я подразумеваю лакейство и эгоизм, неприемлемые для таланта. В идеале. И движению к нему, вероятно, конца не будет.

Монолог записала
И. МАКСИМОВА.